

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800027393-8

Фазовая полярность: нарушенное ожидание или контраст?

© 2023 г. О. С. Волков

Младший научный сотрудник
Института языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1
volkovolek@gmail.com

Резюме. В статье делаются некоторые наблюдения о семантике частиц типа русского *уже*. Мы предполагаем, что определяющую роль в семантике таких частиц играет контрастивность – и она же является ключом к тому, что в некоторых языках подобные показатели начинают функционировать как перфектные.

Статья состоит из двух частей. Первая часть посвящена семантике русской частицы *уже*; во второй части статьи кратко рассматриваются показатели ямитива – мы предполагаем, что их функционирование в целом можно описать с помощью того же анализа, который предложен в первой части для русского *уже*.

Ключевые слова: грамматическая семантика, глагольная фазовость, фазовая полярность, ямитив, перфект.

Для цитирования: Волков О.С. Фазовая полярность: нарушенное ожидание или контраст? // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 4. С. 82–90. DOI: 10.31857/S160578800027393-8

Phasal Polarity: Violated Expectations or Contrast?

© 2023 Oleg S. Volkov

Junior Research Fellow at the Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Science,
1 Bld. 1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russia
volkovolek@gmail.com

Abstract. In the present paper I make several observations on the semantics of Russian particle *uzhe* and alike. I suggest that contrastivity effect is central to its semantics. Crosslinguistically, such particles tend to develop into perfect markers in the course of grammaticalization process. I argue that it is exactly the presence of contrastive meaning in the semantics of such particles that favours this type of grammaticalization.

The paper splits into two parts. The first part provides the semantic analysis of Russian particle *uzhe*. In the second part I show how the same type of analysis is applicable to the semantics of iamitive particles in the languages of the world.

Key words: grammatical semantics, phasal polarity, iamitive, perfect.

For citation: Volkov, O.S. *Fazovaya polyarnost: narushennoe ozhidanie ili kontrast?* [Phasal Polarity: Violated Expectations or Contrast?]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serii literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 4, pp. 82–90. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800027393-8

Введение

В этой статье делаются некоторые наблюдения о семантике частиц типа русского *уже*. В типологических работах по фазовой полярности [1]; [2]; [3] и др. такие показатели обычно называются инхоативом фазовой полярности. Мы предполагаем, что важную роль в семантике таких частиц играет контрастивность — и она же является ключом к тому, что в некоторых языках такие показатели начинают функционировать как перфектные.

Статья состоит из двух частей. Первая часть посвящена русской частице *уже*; мы рассматриваем сочетания *уже* с различными видовременными формами — и выводим многочисленные интерпретации (в том числе перфектные интерпретации и нарушенное ожидание) из контрастивности. Во второй части статьи очень кратко рассматриваются показатели ямитива — мы предполагаем, что их функционирование в целом можно описать с помощью того же анализа, который предложен в первой части для русского *уже*.

1. Инвариант семантики русского *уже*

1.1. Инхоатив фазовой полярности: рабочее типологическое определение

Мы исходим из того, что русское *уже* является инхоативом фазовой полярности — и соответственно прежде всего попробуем привести рабочее определение семантики *уже*, основанное на вышеупомянутых работах по фазовой полярности. В [1, с. 40] говорится: “Expression of Phasal Polarity are structured means of expressing polarity in a sequential perspective”¹. Для инхоатива это будет сочетание несуществования ситуации в некоторой точке — и существования её в более поздней точке на шкале времени. При этом важно, какие именно компоненты семантики затрагиваются; кажется, что точка существования попадает в ассерцию ситуации, а точка несуществования — нет.

В работах по общей семантике неоднократно отмечался тот факт, что фазовые глаголы добавляют в высказывание пресуппозицию о существовании / несуществовании ситуации в какой-то предшествующий момент (см., например, [4]; [5, с. 61]); этим эффектом пользовался и Карлсон, задавая фрекен Бок знаменитый вопрос про коньяк. Логично предположить распространение

¹ Вольный перевод: “Фазовая полярность — это грамматическая категория, граммы которой выражают полярность последовательных точек на временной шкале”; определение Ван Баара базируется на соображениях, изложенных в [2] (хотя статья Ван дер Ауверы и была издана на год позже труда Ван Баара, она активно в нём цитируется).

этого эффекта и на фазовые частицы. Таким образом, мы получаем следующее определение:

(1) *Уже* добавляет к высказыванию пресуппозицию о несуществовании ситуации, выраженной предикатом этого высказывания, в некоторой точке t_i , расположенной на оси времени раньше, чем точка t_0 , входящая в ассерцию высказывания.

Попробуем применить наше типологически ориентированное рабочее определение к русскому материалу.

1.2. Русское *уже* в литературе

Русской частице *уже* посвящена обширная литература, см., например, [6]; [7]; [8]; [9]; [10]; [11]; [12]; [13]; [14]; [15] и др. В этих работах описывается семантика *уже* (при этом авторы обычно выделяют у частицы большое количество значений); рассматриваются всевозможные конструкции с *уже*, такие как *уже* с императивом, *уже* в контексте обстоятельства времени и т.п.; сравниваются частицы *уже* и *уж*. Но, как кажется, в большинстве этих работ зачастую отсутствуют следующие важные компоненты: анализ сочетания *уже* с различными видовременными формами, сравнение одного и того же высказывания с *уже* и без *уже* и попытка определить, какие именно компоненты семантики привносит эта частица в высказывание. Мы попробуем немного пролить свет на эти вопросы — и прежде всего рассмотрим некоторые определения из существующих работ.

В [7, с. 230] приводятся два толкования; первое из них (3) описывает *уже* в примерах типа (2).

- (2) *Лёша уже спит*
 (3) (I) *уже* (P, t) =
 (а) в течение определенного времени ситуация P не имела места;
 (б) можно было ожидать, что в момент t она будет продолжать не иметь места;
 (в) ситуация P начала иметь место в t или раньше и сохраняется в t.

Второе толкование (5) описывает *уже* в примерах типа (4).

- (4) *Лёша допил стакан уже до середины.*
 (5) (II) *уже* (C, x, t) =
 (а) в течение определенного времени ситуация C(x) не имела места;
 (б) можно было ожидать, что в момент t будет иметь место ситуация C(x'), которая обычно предшествует ситуации C(x);
 (в) ситуация C(x) начала иметь место в t или раньше и сохраняется в t.

В [13] отмечается, что существует значительное количество контекстов, в которых семантика *уже* не может быть описана через определения (3) и (5). В связи с этим автор увеличивает число определений до шести; так, для (6) вводится толкование (7), а для (8) – толкование (9).

- (6) *Эта картина стоит 200 тысяч долларов. А полотна, выставленные в соседних залах, оцениваются уже в 30–40 тысяч рублей.*
- (7) (III) *уже* (Y, Q, X, P) = ‘до данного момента речь шла об объекте Y, обладающем свойством Q; можно было ожидать, что объект X, о котором идет речь в данный момент, тоже обладает свойством Q; X обладает не свойством Q, а свойством P’.
- (8) *Мы уже по её походке поняли, что что-то случилось.*
- (9) (V) ‘существует множество объектов, которые обладают свойством быть признаком того, что имеет место P; объект X из этого множества обладает данным свойством в минимальной степени; можно было ожидать, что, воспринимая X, субъект не поймет или не почувствует, что имеет место P; субъект, воспринимая X, понимает или чувствует, что имеет место P’

Во всех приведённых выше определениях содержится компонент нарушенного ожидания – при этом в нашем рабочем типологически ориентированном определении (1) нарушенное ожидание не упоминалось. Нам кажется, что данный компонент возникает в определённых контекстах как импликатура и не должен входить в толкование *уже*.

При этом пока что неясным является, как определение (1) могло бы объяснить употребления *уже* в (4), (6), (8). Для ответа на этот вопрос проследим за контекстами, в которых употребляется эта частица, начиная от самых просто устроенных, и попробуем описать её вклад в семантику каждого высказывания.

1.3. Русское *уже* с видовременными формами

Начнём с сочетания *уже* и глагола в настоящем времени. (10b) отличается от (10a) наличием пресуппозиции о несуществовании; это можно заметить, сравнив (10c) и (10d) – первое из них будет истинно, даже если Оля только что закончила обед, второе возможно, только если Оля ещё не обедала. Конечно, мы знаем, что если Оля обедала, то когда-то раньше она не ела, а занималась другой деятельностью, но это следует из наших наблюдений над окружающим миром, а не из семантики (10a). (11) бессмысленно именно поэтому – пресуппозиция несуществования входит в конфликт с нашими знаниями о жизни;

при этом (11) будет осмысленно в контексте, скажем, научного фильма, где моделируется развитие вселенной ещё до появления звёзд и планет.

- (10)
- Оля обедала.*
  - Оля уже обедала.*
  - Оля не обедала.*
  - Эх, если бы Оля уже обедала, у неё был бы шанс успеть на концерт, но она только выходит из ванной.*
- (11) **Земля уже вращается вокруг солнца.*

Интерпретация, которую имеет *уже* в (10b), зависит от контекста, однако ясно, что одно лишь добавление пресуппозиции несуществования – слишком незначительный вклад в семантику высказывания. Прежде чем мы приступим к анализу конкретных контекстуальных интерпретаций, рассмотрим сочетания *уже* с событийными предикатами. Поскольку акциональный класс “событие” подразумевает, что ситуация существует только в одной точке на временной шкале, её несуществование в остальных точках уже заложено в семантику. Представляется, что при сочетании *уже* с событийными предикатами точка t_0 оказывается не в ассерции, а в следствии – в результирующем состоянии или каком-то более слабом постэффекте ситуации, а точка t_1 находится на том отрезке, где этого постэффекта ещё не было. Таким образом, (12b) отличается от (12a) дополнительным акцентом на последствиях Олиного ухода – отсюда и развиваются перфектные употребления подобных частиц.

- (12)
- Оля ушла*
  - Оля уже ушла*

При сочетании *уже* с прошедшим временем несовершенного вида имеется две возможности: t_0 попадает либо в саму ситуацию (см. (13), (14)), либо в её постэффект (15). Вторая интерпретация возникает обычно без модификации обстоятельствами времени и не в таксисном контексте; тогда появляется импликатура, что постэффект ситуации длится до момента речи.

- (13) *Когда я пришёл домой, Оля уже обедала.*
 (14) *В пять часов Оля уже обедала.*
 (15) *Иван уже прыгал с парашютом.*

Таким образом, *уже* делит временную шкалу на два луча; точку, разделяющую их, мы будем называть точкой кульминации. Для несобытийных предикатов, как в (10b), точкой кульминации является вхождение в процесс, для событийных, а также для процессов в прошедшем без контекста – вхождение в результирующее состояние. Справа и слева от точки кульминации находятся

две полярные зоны; основной вклад *уже* заключается, как нам кажется, в создании контраста между несуществованием и существованием ситуации или её постэффектов.

То, что таких зон всего две, можно судить по (16b) — в контексте того, что Оля, например, выходила в магазин или покурить к подъезду, оно невозможно, именно потому что постэффект Олиного ухода отменился с её приходом.

(16)

- a. *Оля ушла, а потом вернулась.*
b. *“Оля уже ушла, а потом вернулась*

В [16] отмечается, что английское *already* может использоваться и в контекстах типа (17), где не возникает пресуппозиции несуществования и полярности; однако представляется, что *already* имеет в нём какую-то вторичную дискурсивную функцию, связанную с контрастивностью.

(17) <...> He is already American, for he was born in America.

С внутренним отрицанием *уже* сочетается абсолютно композиционно; так, (18) аналогично (10b), за тем исключением, что речь идёт о ситуации “не обедать”, а не о ситуации “обедать”. Однако с событийными предикатами и процессами в прошлом без контекста отрицание подразумевает отсутствие точки кульминации; с такими предикатами *уже* может сочетаться только с семантикой, близкой к прекращённому хабиуталису² (19), (20) или в особых дискурсивных употреблениях (21). Во всех этих случаях *уже* также выражает контраст.

(18) *Оля уже не обедает.*

(19) *В этот раз Оля уже не ушла — она осталась жить на Юго-Западной навсегда.*

(20) *На седьмой день больной уже не съел завтрак — он больше не поднимал голову с подушки.*

(21) *Оля уже не съела свой завтрак, к чему вся эта брань!*

1.4. Интерпретации русского *уже*: объяснение через контраст

Контраст, который привносит в высказывание *уже*, может проявляться в различных интерпретациях. Так, особенно для тех случаев, когда t_0 попадает в постэффект ситуации, возможны различные значения, сопутствующие перфектным показателям в языках мира. К примеру, *уже* может усиливать экспериенциальную семантику (которая, впрочем, может выражаться формами прошедшего времени несовершенного вида и без

всяких частиц; ср. (22a) и (22b)) или привносить семантику имediatности, см. (23) и (24).

(22)

a. *Оля пробовала оленью печень.*

b. *Оля уже пробовала оленью печень.*

(23) **Оля уже учится в университете, она заканчивает четвёртый курс.*

(24) **Иван уже уехал, это случилось год назад.*

В примерах (23) и (24) содержится указание на конкретное время ситуации; без такого указания в примерах работала бы имediatная импликатура. Существенно, что эта импликатура может контекстно отменяться; бессмысленность же (23) и (24) связана с тем, что без широкого контекста не ясно, что именно контрастно противопоставляется в этих примерах. Примеры обретут смысл, если представить, что слушающий эти высказывания имел определённые ожидания: считал, что Оля ещё маленькая девочка, а Иван всё ещё живёт в том месте, о котором идёт речь. Таким образом, ещё одной важной интерпретацией, которую может иметь *уже*, становится нарушенное ожидание.

Представляется, что семантика нарушенного ожидания возникает из пресуппозиции о несуществовании ситуации в t_i . Если участник речевого акта имеет некоторые сведения о том, что ситуация не имела место в t_i , то у него легко могут возникать какие-то ожидания о существовании ситуации в других точках — таких ожиданий не могло бы быть, если бы участник речевого акта вообще не знал об этой ситуации. Так, (25) возможно, только если собеседник говорящего знает о том, что Оля собиралась поехать на соревнования; если собеседник не обладает данной информацией, использовать *уже* нельзя. Соответственно у собеседника могли быть некоторые ожидания относительно того, дома ли Оля — ведь он знал об её отъезде на соревнования. Наличие сведений о ситуации и контрастность приводят к тому, что возникает интерпретация именно нарушения ожидания.

(25) *Оли нет дома, она уже на соревнованиях.*

Показать, что нарушение ожидания — это импликатура, а не центральный компонент семантики *уже*, можно отменив её контекстом. Так, не очень понятно, какие именно ожидания могли бы быть нарушены в (26), представляется, что контраст в этом примере проявляется имediatностью:

(26) *Автобус каждый день приходит к вокзалу в 12.00. Как мы и ожидали, в 12.05 он уже стоял на остановке.*

² См. подробнее [17].

С контрастом связано употребление *уже* и в тех контекстах, которые никак нельзя определить через толкование, приведённое в (1). Представляется, что *уже* задаёт набор из нескольких последовательных точек, а потом противопоставляет какую-то точку предыдущим, опять же через контраст³. Так, из (27) следует, что Миша покупал диски последовательно, а не все разом⁴, а также что наличие у Миши пяти дисков либо нарушает ожидание, либо произошло очень быстро; оба эти эффекта исчезают, если убрать *уже* из (27).

(27) *Миша купил уже пять дисков.*

Кажется, что анализ через контраст возможен и в остальных случаях. Так, в (6) *уже* противопоставляет дорогие картины дешёвым. В (8) оно показывает, что признаков того, что что-то случилось, будет много, а не только походка; таким образом, *уже* создаёт шкалу, а походка — самый малый показатель того, что что-то произошло, “кульминация” (граница между “видно, что что-то произошло” и “вроде бы ничего не произошло”) на шкале находится перед ней.

То, где именно находится кульминация, зависит от конкретной ситуации; так, без контекста (28) звучит хуже, чем (29), однако если мы знаем, что Иван уже десять лет не может приняться за работу, то (28) звучит вполне приемлемо. Контекст, в котором приемлемым будет (30), найти сложно (разве что Иван давно не говорил по-фински и разучился), в отличие от (31) — именно потому, что перед (30) сложно усмотреть какое-то значимое изменение, точку кульминации.

(28) *Иван написал уже две строчки диссертации.*

(29) *Иван написал уже три главы диссертации.*

(30) *Иван уже совсем плохо говорит по-фински.*

(31) *Иван уже совсем хорошо говорит по-фински.*

Таким образом, мы попытались показать, что контрастность, возникающая из фазовой полярности, является инвариантом семантики *уже*, к которому сводятся многочисленные контекстуальные интерпретации этой частицы, в том числе и нарушенное ожидание.

Интересно, что фазовые частицы в языках мира возникают только в тех комбинациях на оси

³ См. схожий анализ в [16]; автор называет *already* “scale alignment particle” (“частица, задающая шкалу”) и описывает её как фокальную частицу, которая задаёт множество пропозиций и выбирает из них определённую по некоторым правилам. Для нас, однако, существенно, что шкала эта возникает из-за контраста, вызванного фазовой полярностью.

⁴ Мы благодарны за это замечание Н.А. Слюсарь.

времени, где сочетаются плюс и минус. Частиц, соответствующих кунктативу и континуативу, кажется, не существует, а семантика частицы *still* не равна семантике глагола *продолжить*; набор из четырёх частиц возникает за счёт того, что расположение t_0 и t_1 изначально не задано. Так, для *already* и *no longer* t_1 предшествует t_0 (комбинация знаков в них — минус плюс и плюс минус соответственно), для *not yet* и *still* t_1 следует за t_0 (комбинация знаков такая же; см. таблицу 1). Таким образом, частицы возникают только в тех случаях, где знаки подразумевают контрастность.

Таблица 1. Английские фазовые частицы.

	t_1	t_0	t_1
<i>already</i>	—	+	
<i>still</i>		+	—
<i>no longer</i>	+	—	
<i>no tyet</i>		—	+

На первый взгляд кажется, что число фазовых частиц в языке может превышать четыре; так, русское *пока* в некоторых употреблениях может быть синонимично частице *ещё*. Представляется, однако, что все частицы, за исключением четырёх, входящих в таблицу 1, устроены более сложно; так, *пока*, видимо, не имеет в семантике точного указания на то, что в t_1 ситуация не будет существовать — в отличие от *ещё*, ср. (32) и (33):

(32) *Я пока тут живу и надеюсь отсюда уже не съезжать.*

(33) *Я ещё тут живу и надеюсь отсюда уже не съезжать.*

В заключение отметим, что контраст может сопутствовать не только фазовым частицам, но и фазовым глаголам и аффиксам, см., например, [18] про глагол *стать*.

2. Контраст и ямитив

Употребления *уже*, при которых t_0 находится в постэффекте ситуации, ведут к тому, что частица начинает функционировать схоже с перфектными показателями — это достигается за счёт того, что контраст, привносимый частицей в семантику высказывания, подчёркивает текущую релевантность ситуации. Кажется, что именно по такому сценарию в языках мира может возникать граммема ямитива. Данный термин был введён в употребление в [19]; до этого подобные показатели описывались дискриптивными лингвистами по-разному.

Так, Н. Бенье в грамматике языка тувалу [20] рассматривает частицу *ko*, имеющую широкий спектр различных значений, и называет данный показатель “перфектом” (“perfect”). Он утверждает, что одна из основных его функций — “обозначать, что ситуация, описываемая предложением, началась в прошлом (отдалённом или недавнем) и всё ещё релевантна к настоящему или к точке отсчёта”⁵ (сам Н. Бенье называет эту функцию “перфекта” инхоативной, показатель *ko* в таких контекстах глоссируется им как “Inc”). *Ko* в презентных контекстах конкурирует с показателем настоящего времени и отличается от него отсылкой к началу ситуации. Так, в примере (34) текущая ситуация сравнивается с более ранним отрезком времени, в котором она ещё не имеет места, в “нейтральном” же примере (35) такого сравнения не происходит.

(34)
Koo uke ttou ika.
 Inc much our-3-i fish
 ‘We [now] have a lot of fish [and we didn’t before].’

(35)
 E uke ttou ika.
 Nps much our-3-i fish
 ‘We have a lot of fish’.
 [20, с. 480]

Заметим, однако, что в примерах (34) и (35) мы не наблюдаем собственно глагольной лексемы. Между тем, в зависимости от лексемы показатель *ko* в (34) можно было бы считать либо инхоативным (при лексемах типа *иметь*), либо перфектным (при лексемах типа *поймать*).

Термины “инхоатив” и “перфект” зачастую употребляются в литературе по полинезийским языкам применительно к одним и тем же показателям (см., помимо вышеназванной работы, например, грамматику языка токелау [21, с. 18], грамматику языка маори [22, с. 432], грамматику языка самоа [23, с. 350–353], а также статьи, посвящённые организации полинезийских нарративов [24] и [25]). Так, описывая семантику частицы *kua*⁶ в языке токелау, Р. Хупер говорит, что её базовая функция — “выражать инхоативный аспект, то есть обозначать начальную стадию ситуации и результирующее положение дел”⁷:

⁵ Букв. “...To indicate that the situation denoted by the clause began in the past (be it remote or recent) and is still of relevance at the present time or at the temporal point of reference of the discourse”, см. [20, с. 479].

⁶ Детальный анализ когнатной частицы в языке ниуэ см. в [26].

⁷ Букв. “It marks inchoative viewpoint aspect, making reference to the starting point of a situation and to the resulting state of affairs...”, см. [21, с. 18].

(36)
 E tutū loa ki mātou ki luga
 T/A stand MAN 1PL. EXCL TO above
kua hihiva, gaholo
 T/A dance.PL rush
 mai loa.
 DIR MAN
 ‘When we stood up and began to dance, they rushed towards us’
 [21, с. 18]

Однако Р. Хупер далее замечает, что, помимо инхоативного значения, частица *kua* может выражать класс значений, характерный для эволюционирующего перфекта, в том числе экспериенциальное значение (см. (37); см. также [20, с. 481], где постулируется способность показателя “перфекта-инхоатива” в языке тувалу выражать в некоторых контекстах эвиденциальные значения, также характерные для семантической зоны перфекта).

(37)
 Ko Mativa *kua* pā ki Nukunonu
 R M. T/A arrive TO N.
 ma Fakafo. Na fano
 P and F. T/A go
 lā koi tamaiti lele.
 INT N/A be.a.child INT
 ‘Mativa has been to N. And F., but he went when he was still very young’.
 [21, с. 18]

Заметим, что во всех вышеописанных случаях мы имеем дело с частицами — в то время как перфект в языках мира может выражаться различными способами, из которых частица не самый частотный; в [19] также рассматриваются в основном частицы. Учитывая то, что показатели фазовой полярности по данным [1] тоже почти всегда являются частицами, можно предположить, что в основе ямитивной семантики лежит поляризация.

3. Выводы

Мы показали, что инвариант семантики частицы *уже* в русском языке заключается в контрастивности; предполагается, что контрастивность развивается из фазовой полярности, а также что контрастивность определяет функционирование фазовых частиц не только в русском, но и в других языках. Семантика фазовых частиц схематично изображена в таблице 1; обратим внимание, что контрастивность при фазовой полярности подразумевает сочетание разных знаков, четыре значения при этом возникают за счёт того, что t_0 и t_1 могут быть расположены в любом порядке. Также мы обратили внимание, что контрастивность

может лежать в основе семантики граммема ямитива, который обычно развивается в языках мира из частиц типа *уже*. Строго говоря, не очень ясно, нельзя ли и русское *уже* назвать ямитивом — представляется, что тут решающую роль играет то, лексическим или грамматическим элементом мы считаем эту частицу; заметим при этом, что ямитив обычно выделяется в аналитических языках, где большое количество грамматических значений выражается частицами — кажется, что его называют отдельной граммемой только исходя из структурно-языковых соображений, а не из семантики.

Заметим, что семантика частиц типа *уже* в некотором смысле оказывается симметрична семантике кластера инкомплетива (см. [27, с. 301–302]): если в кластере инкомплетива сочетаются обозначения срединной и результирующей стадии ситуации, то частицы типа “уже” также каким-то образом взаимодействуют либо с срединной стадией, либо с постэффектом ситуации; распределение зависит от акционального класса предиката и видовременной формы, такое же распределение может определять и интерпретацию инкомплетива (подробнее см. [28]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Van Baar T.M.* Phasal Polarity. Amsterdam: IFOTT, 1997.
2. *Van der Auwera J.* Phasal adverbials in the languages of Europe. J. van der Auwera, D. Ó Baoill (eds). *Adverbial constructions in the languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998, pp. 25–145.
3. *Plungian V.A.* A typology of phasal meanings. Abraham W., Kulikov L. *Tense-aspect, transitivity, and causativity: Essays in honor of Vladimir Nedjalkov*. Amsterdam: John Benjamins, 1999, pp. 311–321.
4. *Givón T.* Forward Implications, Backward Presuppositions, and the Time Axis of Verbs. John P. Kimball (ed.). *Syntax and Semantics*. New York and London: Seminar Press, 1972, pp. 29–50.
5. *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотнесённость с действительностью. М.: Наука, 1985.
6. *Мустайоки А.* О семантике русского темпорального *ещё*. *Studia Slavic Finlandesica* (Доклады финской делегации на X Съезде славистов), 5. 1988. С. 99–142.
7. *Богуславский И.М.* Сфера действия лексических единиц. М., 1996.
8. *Богуславский И.М.* “Сандхи” в синтаксисе: загадка *уже не* // Вопросы языкознания. 2002. № 5. С. 19–37.
9. *Перцов Н.В.* О возможном семантическом инварианте русских фразовых частиц *уже* и *ещё* // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002. С. 137–144.
10. *Труб В.М.* Темпоральные частицы как знаки начала и конца ситуации // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002. С. 334–447.
11. *Труб В.М.* Особенности интерпретации высказываний с заполненными темпоральными валентностями частиц *ещё* и *уже* // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой / Под ред. Ю.Д. Апресяна. М., 2004. С. 333–343.
12. *Israeli A.* The expression of temporal still in Russian. *Studies in Polish Linguistics*, 3, 2006, pp. 113–125.
13. *Урысон Е.В.* Уже и уж: вариативность, полисемия, омонимия? // Труды международной конференции “Диалог 2007”, 2007. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2007/materials/html/81.htm>
14. *Левонтина И.Б.* Загадки частицы *уж* // Труды международной конференции “Диалог 2008”, 2008. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2008/materials/html/47.htm>
15. *Рахилина Е.В.* К аспектуальным свойствам русского *уже* // М. Китадзё (сост.). Аспектуальная семантическая зона: Типология систем и сценарии диахронического развития. Сб. статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото: Университет Киото Сангё, 2015. С. 214–220.
16. *Krifka M.* Alternatives for aspectual particles: Semantics of still and already. Paper presented at the Berkeley Linguistics Society, 2000.
17. *Plungian V.A., van der Auwera J.* Towards a typology of discontinuous past marking // *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2006, 59, № 4, pp. 317–349.
18. *Стойнова Н.М.* Буду делать vs. стану делать: корпусные данные. Конференция “Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы”. СПб., ИЛИ РАН, 12–14 сентября 2013.
19. *Olsson B.* Iamitives: Perfects in Southeast Asia and beyond. MA Thesis, University of Stockholm, 2013.
20. *Besnier N.* Tuvaluan. London and New York: Routledge, 2000.
21. *Hooper R.* Tokelauan. Lincom Europa, 1996.
22. *Bauer W.* Maori. London and New York: Routledge, 1993.
23. *Mosel U., Hovdhaugen E.* Samoan Reference Grammar. Oslo: Scandinavian University Press, 1992.
24. *Vonen A.M.* The expression of temporal and aspectual relations in Tokelau narratives. Bache, Basbøll, Lindberg (eds). *Tense, Aspect and Action*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1994, pp. 371–397.

25. Hooper R. Universals of narrative pragmatics: A Polynesian case study. *Linguistics*, 1998. 36. 119–160.
26. Matthewson L., Quinn H., Talagi L. Inchoativity meets the perfect time span: The Niuean perfect. *Lingua*. 2015, No. 168 (1), pp. 1–36.
27. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
28. Михайлов С.К. Фантастические аспектуальные твари и откуда они возникают: инкомплетив // ВАПросы языкознания: Мегасборник наностатей. Сб. ст. к юбилею В.А. Плунгяна. 2020. С. 415–420.
11. Trub, V.M. *Osobennosti interpretacii vyskazyvanij s zapolnennymi temporalnymi valentnostjami chastic eshhjo I uzhe* [Peculiarities of Interpretation of Particles *eshhjo* and *uzhe* with Temporal and Polar Dependents]. *Sokrovennye smysly. Slovo. Tekst. Kultura. Sbornik statej v chest N. D. Arutjunovoj* [Sacred Meanings. Word. Text. Culture. Collected Paper in Honour of N.D. Arutjunova]. Moscow, 2004, pp. 333–343. (In Russ.)
12. Israeli, A. The expression of temporal still in Russian // *Studies in Polish Linguistics*, 3, 2006, pp. 113–125.
13. Uryson, E.V. *Uzhe i uzhe: variativnost, polisemija, omonimija?* [Russian Particles *uzhe* and *uzh*: Variants, Homonyms, or Related Words?]. *Trudy mezhdunarodnoj konferencii "Dialog 2007"* [Proceedings of the International Conference "Dialog 2007"]. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2007/materials/html/81.htm> (In Russ.)

REFERENCES

1. Van Baar, T.M. *Phasal Polarity*. Amsterdam: IFOTT. 1997.
2. Van der Auwera, J. *Phasal adverbials in the languages of Europe* J. van der Auwera, D. Ó Baoill (Eds). *Adverbial constructions in the languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998.
3. Plungian, V.A. *A typology of phasal meanings*. Abraham W., Kulikov L. (Eds). *Tense-aspect, transitivity, and causativity: Essays in honor of Vladimir Nedjalkov*. Amsterdam: John Benjamins, 1999.
4. Givón, T. Forward Implications, Backward Presuppositions, and the Time Axis of Verbs. John P. Kimball (Ed). *Syntax and Semantics*. New York and London: Seminar Press, 1972, pp. 29–50.
5. Paducheva, E.V. *Vyskazyvanie i ego sootnesjonnost s dejstvitelnostju* [Statement and Its Correlation with Reality]. Moscow, Nauka, 1985. (In Russ.)
6. Mustajoki, A. *O semantike ruskogo temporalnogo ešče* [On the Semantics of Russian Temporal *Ešče*]. *Studia Slavica Finlandesica*, 5. 1988, pp. 99–142. (In Russ.)
7. Boguslavskiy, I.M. *Sfera dejstvija leksicheskikh edinic* [Scope of Lexical Items]. Moscow, 1996. (In Russ.)
8. Boguslavskiy, I.M. "Sandhi" v sintaksise: zagadka *uzhe ne*. [Sandhi in Syntax: The Puzzle of the Russian Phrase *uzhe ne*]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 2002. No. 5, pp. 19–37. (In Russ.)
9. Pertsov, N.V. *O vozmozhnom semanticheskom invarijante ruskich frazovyh chastic uzhe I eshhjo* [On the Hypothetical Semantic Invariant of Russian Phrasal Particles *uzhe* and *eshhjo*]. *Logicheskij analiz jazyka. Semantika nachala I konca* [Logical Analysis of Language. Semantics of Beginnings and Ends]. Moscow, 2002, pp. 137–144. (In Russ.)
10. Trub, V.M. *Temporalnye chasticy kak znaki nachala i konca situacii* [Temporal Particles as Indicators for Beginnings and Endings of Situations]. *Logicheskij analiz jazyka. Semantika nachala I konca* [Logical Analysis of Language. Semantics of Beginnings and Ends]. Moscow, 2002, pp. 334–447. (In Russ.)
14. Levontina, I.B. *Zagadki chasticy uzhe* [The Riddles of Russian Particle *uzhe*]. *Trudy mezhdunarodnoj konferencii "Dialog 2008"* [Proceedings of the International Conference "Dialog 2008"], 2008. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2008/materials/html/47.htm> (In Russ.)
15. Rakhilina, E.V. *K aspektualnym svojstvam ruskogo uzhe* [Towards Aspectual Characteristics of Russian *uzhe*]. *Aspektualnaja semanticheskaja zona: Tipologija system I scenario diahronicheskogo razvitija. Sb. statej V Mezhdunarodnoj konferencii Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov* [Aspectual Semantic Zone: Typology and Diachronic Scenarios]. Kyoto, University Kyoto Sangjo, 2015, pp. 214–220. (In Russ.)
16. Krifka, M. Alternatives for aspectual particles: Semantics of still and already. Paper presented at the Berkeley Linguistics Society, 2000.
17. Plungian, V.A., Van der Auwera, J. Towards a typology of discontinuous past marking. *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2006, 59, No. 4, pp. 317–349.
18. Stojnova, N.M. *Budu delat vs. stanu delat: korpusnye dannye* [*Budu delat* and *stanu delat*: Corpus Data]. Paper presented at the conference "Approaches to Russian Language: Constructions and Lexico-Semantics", ILI RAN, St. Petersburg, 2013. (In Russ.)
19. Olsson, B. *Iamitives: Perfects in Southeast Asia and beyond*. MA Thesis, University of Stockholm, 2013.
20. Besnier, N. *Tuvaluan*. London and New York: Routledge, 2000.
21. Hooper, R. *Tokelauan*. Lincom Europa, 1996.
22. Bauer, W. *Maori*. London and New York: Routledge, 1993.
23. Mosel, U., Hovdhaugen, E. *Samoan Reference Grammar*. Oslo, Scandinavian University Press. 1992.
24. Vonen, A.M. The expression of temporal and aspectual relations in Tokelau narratives. Bache, Basbøll,

- Lindberg (Eds). *Tense, Aspect and Action*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1994, pp. 371–397.
25. Hooper, R. Universals of narrative pragmatics: A Polynesian case study. *Linguistics*, 1998, 36, pp. 119–160.
26. Matthewson, L., Quinn, H., Talagi, L. Inchoativity meets the perfect time span: The Niuean perfect. *Lingua*. 2015, No. 168 (1), pp. 1–36.
27. Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskiju semantiku. Grammaticheskie znachenija i grammaticheskie sistemy jazykov mira* [Introduction to Grammatical Semantics: Grammatical Meanings and Grammatical Systems in the Languages of the World]. Moscow, Izdatelstvo RGGU Publ., 2011. (In Russ.)
28. Mikhaylov, S.K. *Fantasticheskie aspektualnye tvori i otkuda oni vznikajut: inkompletiv* [Fantastic Aspectual Beasts and Where They Come from: The Case of Incompletive]. *VAProsy jazykoznanija: Megabornik nanostatej. Sb. st. k jubileju V.A. Plungiana* [Collected Papers for the Anniversary of V.A. Plungian]. 2020, pp. 415–420. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 31 мая 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 10 июня 2023 г.
Статья принята к публикации: 15 июня 2023 г.
Дата публикации: 31 августа 2023 г.

Received by Editor on May 31, 2023
Revised on June 10, 2023
Accepted on June 15, 2023
Date of publication: August 31, 2023